L'analisi linguistica e letteraria XXXIV (2026) 81–102
ISSN: 1122-1917

# Паратексты как семиотическое поле битвы: идеологический контроль и рецепция Г. Дж. Уэллса в СССР (1920–1930-е гг.)

Ilaria Aletto, Maria Zavyalova
Università degli Studi Roma Tre
ilaria.aletto@uniroma3.it, mariazavyalova@gmail.com

Received July 2025; Accepted February 2026; Published online September 2026

This article offers a diachronic, comparative analysis of key paratexts accompanying Soviet editions of H. G. Wells's translated works from the 1920s through the 1930s – including prefaces, critical essays, journal articles and afterwords, as well as the published transcript of Wells's 23 July 1934 meeting with Stalin (issued in 1935; reissued 1937–39), alongside contemporary commentary. It attempts to identify strategies of ideological mediation: from the anti-Western, anti-bourgeois rhetoric of the first Soviet edition of *Russia in the Shadows* (*Rossiia vo mgle*, 1922) to harsh condemnations of Wells's utopian visions in late 1930s literary journals and reprints. The study shows that Soviet translators and paratext authors acted as cultural agents, reshaping Wells's texts to meet ideological directives. It also considers the role of party-controlled criticism and key paratext authors – from Lunacharsky and Zamyatin to Olesha and Shklovsky – in shaping the reception of Wells's work. Tracing these shifts reveals how Soviet literary translation became a 'semiotic battlefield' reflecting evolving cultural-policy priorities.

*Keywords*: Paratexts, H. G. Wells, Soviet translation, Ideological control, Reception studies

## *Введение*[1]

В сталинской России, где каждое слово подвергалось политической проверке, а каждая мысль должна была соответствовать партийной доктрине, художественный перевод становился чем-то большим, чем просто лингвистическое транспонирование: он превратился в идеологическое поле битвы, в призму, через которую внешний мир преломлялся и переписывался в соответствии с потребностями режима. В этом контексте все большую актуальность приобретает изучение трансляции и адапта-

[1] This work was supported by the PRIN 2022 PNRR project *Rewriting European Literatures in Stalin's Russia: Defence of European Culture or Mediation of the Regime's Ideology?* (PNRR PRIN P20228L2RP; CUP F53D23010550001), Research Unit 2 (Roma Tre University), funded by the European Union NextGenerationEU (Mission 4, Component 2, Investment 1.1). This article is a joint work carried out in close collaboration between the two authors; the *Introduction*, Section *4*, and the *Conclusion* are the responsibility of Ilaria Aletto, while Sections *1*, *2*, *3*, and *5* are the responsibility of Maria Zavyalova.

DOI: 10.69117/ALL.2026.2.05

ции зарубежной литературы в СССР. Особый импульс этому направлению придали работы Брайана Бэра и Сюзанны Витт (Baer 2011; Baer, Witt 2018), сыгравшие ключевую роль в его концептуализации на стыке переводоведения, культурологии и политической истории. Этот исследовательский подход участвовал в построении специфической модели национальной и культурной идентичности, обнажая постоянное напряжение между универсалистскими устремлениями и системой нормативного контроля. В этом ключе Елена Земскова предложила понимать художественный перевод как форму "литературного гражданства" (Zemskova 2014, 16) – средство интеграции в официальную культурную иерархию. Параллельно внимание сместилось к роли переводчиков и издателей как сознательных посредников политических значений и ценностей; были проанализированы механизмы, с помощью которых эти акторы формировали 'идеологический эффект' переведенного текста. Исследования показали, что они выступали не просто медиаторами, но активными культурными агентами: им поручалось адаптировать тексты к ожиданиям публики и требованиям, исходящим от издательств и цензуры (см. Баскина 2021). В первые полтора десятилетия советской власти – в 1920-е и в начале 1930-х гг. – переводческая практика в СССР находилась в руках широкого круга профессиональных филологов и других гуманитариев, что обусловило появление "филологически точного" подхода к работе с текстами, их переводили, редактировали и снабжали развернутыми комментариями в масштабных изданиях мировой классики (там же, 5). Этот подъем был прерван репрессиями Большого террора, после чего усилилась тенденция к "доместицирующему" переводу для массового читателя, а профессиональные дискуссии сузились (там же, 9).

Механизмы смыслового надзора особенно отчетливо проявляются, если рассмотреть их через понятие паратекста. По определению Жерара Женетта, все внешние по отношению к тексту элементы – "перитекст" (заглавия, предисловия, послесловия, примечания и т. п.) и "эпитекст" (рецензии, критические статьи, интервью и т. д.) – составляют "порог"[2] текста, через который он выходит за пределы собственной границы (Genette 1987, 7, 11). В сталинской действительности, где художественный перевод стал важным фактором культурного посредничества, этот порог служил орудием доктринального управления, задавая узкий диапазон допустимых прочтений. Переводы не только отбирались и переформулировались на языковом уровне, но и обрамлялись с помощью широкого спектра паратекстуальных средств – измененных заглавий, предисловий, послесловий, редакционных примечаний, рецензий и критических статей – способных глубоко ориентировать рецепцию в соответствии с требованиями идеологической ортодоксии. В этом смысле, как писал Юрий Лотман, "текст содержит в себе свернутую систему всех звеньев коммуникативной цепи," благодаря чему "мы можем реконструировать на его основании и идеального читателя"; даже "взятый изолированно", он остается "важнейшим источником суждений относительно его собственных прагматических связей" (Лотман 1977, 58). Созвучно

[2] Если не указано иначе, перевод наш.

этому наблюдению Евгений Добренко подчеркивал, что критика (включая издательский дискурс) не просто сопровождала текст, а прежде всего моделировала фигуру "идеального читателя", воздействуя на него через писателя: "Читатель критику не читал. Критика занималась созданием 'идеального читателя' и была установочной прежде всего для писателя, воздействуя через него на читателя (а не наоборот)" (Добренко 2011, 15–16). Более того, начиная с конца 1920-х и особенно в 1930-е годы, через партийные журналы, газеты и издательства внедрялись структуры партийного кураторства над литературным процессом, превращая критику в нормативный фильтр художественного производства и наделяя ее задачей очерчивать рамки 'правильного' восприятия текста. В этой теоретической и исторической перспективе мы и рассматриваем паратексты в советском издательском процессе 1920-х и 1930-х гг.: несмотря на свою, казалось бы, второстепенную позицию, они выступают важным каналом направленной интерпретации.

Роль паратекстов, в частности, четко прослеживается на примере переводов Герберта Джорджа Уэллса – одного из наиболее часто публиковавшихся в СССР западных авторов. Его рецепция формировалась не только в литературной, но и в международно-политической плоскости. В 1920–1930-е гг. отношения между СССР и Великобританией были неоднозначными: с одной стороны, сохранялась идеологическая враждебность, усиленная вмешательством Британии в Гражданскую войну и разрывом дипломатических отношений в 1927 г. (после "дела Аркос"); с другой – в Советском Союзе проявлялся устойчивый интерес к западным интеллектуалам, которые высказывали симпатию к социалистическому проекту. Такие фигуры, как Уэллс, использовались для демонстрации культурной открытости СССР и одновременно – для идеологической критики буржуазного строя. Следует подчеркнуть, что фигура Уэллса в этом отношении не была исключительной. В 1920–1930-е гг. привлечение западных интеллектуалов – писателей, журналистов, ученых – являлось частью более широкой стратегии советской культурной дипломатии, направленной на формирование внешнего образа СССР и демонстрацию 'великого эксперимента'. Как показано в исследованиях Катерины Кларк и Майкла Дэвид-Фокса, визиты и публичные контакты с зарубежными деятелями культуры функционировали как инструмент символической политики сталинской эпохи, сочетая элементы открытости и идеологического контроля (Clark 2011; David-Fox 2012).

На этом фоне творчество Уэллса в других странах – европейских и, разумеется, в Великобритании – воспринималось в условиях более плюралистической критической среды (Soboleva, Wrenn 2017, 101–141; Parrinder 2005), в то же время советская рецепция была жестко опосредована официальными установками. Массовые тиражи его произведений и знаковые встречи с Лениным (1920) и Сталиным (1934) сделали его важной фигурой культурного посредничества и идеологической переинтерпретации. Эта вовлеченность повышала политические ставки каждого нового издания, а сопроводительные тексты – предисловия, послесловия, критические статьи – направляли читательское внимание в нужное русло.

Не менее важно и другое: Уэллс послужил вдохновением целому поколению советских авторов, мыслящих на стыке науки и утопии. Еще до революции произведения Уэллса активно переводились и обсуждались в России, где писатель воспринимался прежде всего как представитель научно-фантастического и социально-критического романа, связанного с идеями прогресса, науки и рациональной организации общества. В дореволюционной критике его тексты читались вне жесткой идеологической рамки – как часть общеевропейского модернистского дискурса, а не как политическая программа. "Эффект Уэллса," по определению Гали Димент (Diment 2021, 5), придал мощный импульс развитию научной фантастики в 1920-е г. – от Замятина и Алексея Толстого до Богданова, Беляева, Кржижановского и Булгакова. Несмотря на политические чистки 1930-х, его влияние сохранялось благодаря своеобразной 'уловке': темы и образы Уэллса продолжали циркулировать в смягченной форме в рамках детско-юношеской литературы – сравнительно автономного пространства в структуре советской культуры.

С помощью диахронического и сравнительного анализа паратекстов, сопровождавших советские издания Уэллса в 1920-е и 1930-е гг., мы задаем центральный вопрос: какую роль играли паратекстуальные средства в построении специфического, идеологически контролируемого горизонта рецепции одного из наиболее популярных английских писателей в СССР? Чтобы ответить на него, мы обращаемся к корпусу паратекстов – предисловий, послесловий, рецензий и критических статей таких авторов, как Анатолий Луначарский, Сергей Динамов, Юрий Олеша, Виктор Шкловский, Александр Беляев и многих других, опубликованных на страницах ведущих журналов вроде "Интернациональной литературы", "Литературного критика" и т. п. Отбор материала основан на критериях, включающих статус автора, значимость публикации, масштаб распространения и жанровую специфику[3]. Такое превращение перевода в идеологическое переписывание продуктивно осмысляется в рамках концепции Андре Лефевра о переводе как форме "*rewriting*", подверженной поэтическим и институциональным давлениям (Lefevere 1992), а также с опорой на теорию Пьера Бурдье о переводе как практике, структурируемой отношениями символической власти в литературном поле (Bourdieu 1991): переводчики, издатели и критики выступают стратегическими агентами, а не простыми транспонировщиками.

Дальнейший анализ основан на систематическом сопоставлении паратекстов к советским изданиям Уэллса с директивными материалами, публиковавшимися преимущественно в журнале "Литературный критик" – центральном теоретическом органе советской литературной критики 1930-х гг., служившем не только площадкой для обсуждения эстетических и идеологических проблем, но и важным звеном в процессе выработки нормативных художественных ориентиров. Под 'директивами' мы понимаем программные теоретические статьи и редакционные публикации, задававшие ориентиры для критической практики и издательской политики. Эта функция журнала подробно проанализирована в недавнем исследовании Сюзанны Франк

[3] Перечень публикаций и паратекстов с 1898 до 1965, см. ( Левидова, Парчевская 1966).

(Frank 2022); следуя ее подходу, мы рассматриваем директивные тексты "Литературного критика" как репрезентативные выражения официального дискурса.

Статья строится вокруг пяти ключевых разделов: (1) общий обзор публикаций Уэллса и основных переводчиков и авторов паратекстов; (2) типология и функции паратекстуальных материалов; (3) авторские различия; (4) диахронические вариации; (5) отношения Уэллса с Россией. В заключении предпринимается попытка более широко осмыслить редакционную, культурную и политическую функцию художественного перевода в сталинскую эпоху на примере рецепции Уэллса. Такой ракурс позволяет проследить трансформацию его образа – от признанного мастера научной фантастики через фигуру идеологически подозрительного реформатора к окончательно чуждому 'буржуазному фантазеру'. Эта динамика, в свою очередь, выявляет не только эволюцию редакционной политики и критической риторики того времени, но и фундаментальную роль паратекста как инструмента контроля над каноном переводной литературы.

## 1. *Издания Уэллса (в 1920-х – 1930-х гг.), переводчики и авторы паратекстов*

Герберт Уэллс был одним из самых широко издаваемых британских авторов в Советской России начала XX века. Только за десятилетие (1919–1929) было выпущено более 80 книг с его произведениями. В 1930-е гг. их стало меньше – чуть более 20 изданий, а в период с 1941 г. до смерти Сталина в 1953 г. – всего 7. Первое советское собрание сочинений вышло в 1924–1926 гг. под редакцией Евгения Замятина (см. Уэллс 1924–1926), а в 1930 г. было издано *Собрание фантастических романов и рассказов* со вступительной статьей Анатолия Луначарского (Уэллс 1930).

Некоторые тексты переиздавались неоднократно: *Машина времени* (The Time Machine, 1895); *Борьба миров*[4] (*The War of the Worlds*, 1897); *Человек-невидимка*[5] (*The Invisible Man*, 1897); *Первые люди на Луне* (*The First Men in the Moon*, 1901). К их числу примыкают и другие знаковые для русского читателя романы: *Остров доктора Моро* (*The Island of Dr. Moreau*, 1896), *Когда Спящий проснется* (*When the Sleeper Wakes*, 1899), *Облик грядущего* (*The Shape of Things to Come*, 1933).

Менее известные произведения Уэллса, изданные в СССР в основном в 1920-е годы, представляли бытовую и лирическую сторону его творчества: *Колеса фортуны* (*The Wheels of Chance*, 1896); *Любовь и мистер Льюишем* (*Love and Mr. Lewisham*, 1899); *Билби (Bealby,* 1915); *Анна-Вероника* (*Ann Veronica*, 1909); *История мистера*

[4] В собраниях сочинений 1929, 1930 и 1945 г. – *Война миров*. Хотя обе версии заглавия – *Борьба миров* и *Война миров* – встречались уже до 1917 г., в советский период чаще использовался первый вариант, как, например, в изданиях 1919, 1922, 1925, 1928 и 1935 гг. Напротив, в собраниях сочинений 1929, 1930 и 1945 гг. роман выходил под названием *Война миров*. Такое различие, по-видимому, отражает осознанную редакционную стратегию, придававшую заглавию паратекстуальную функцию. Само слово *борьба*, обладавшее выраженной идеологической окраской (ср. *классовая борьба*, *борьба за мир*), могло направлять интерпретацию текста как аллегории идейного противостояния уже на уровне перитекста.

[5] В изданиях 1927 и 1928 гг. – *Невидимка* (пер. Веры Засулич и О. Богдановой, см. Уэллс 1927, 1928).

*Полли* (*The History of Mr. Polly*, 1910); *Новый Макиавелли (The New Machiavelli*, 1911). Эти тексты не получили столь широкого отклика и многократных переизданий, как научно-фантастические романы.

В то же время значительная часть социально-политических и философских сочинений Уэллса осталась неизвестной советскому читателю. В СССР не публиковались такие ключевые работы, как *The Open Conspiracy* (1928)[6], *World Brain* (1938), *The New World Order* (1940), в которых он размышлял о будущем человечества и глобальных преобразованиях. Исключение составили лишь эссе *Russia in the Shadows* (1921; *Россия во мгле*, 1922) и *A Short History of the World* (1922; *Краткая история человечества*, 1924).

Над произведениями Уэллса трудилась целая когорта переводчиков. Больше всего переводов выполнила Эмилия Пименова, писательница, работавшая и с социально-политической прозой. В 1920-х гг. автором и редактором многих переводов был Владимир Ашкинази (псевдоним В. А. Азов), сотрудничество с которым прекратилось после его эмиграции во Францию в 1926 г. Среди других переводчиков – Алла Карнаухова, Семен Займовский, Давид Вейс, Николай Морозов, В. Г. Тан (наст. имя – Владимир Богораз), Роберт Куллэ и др.

В 1930-х гг. имя переводчика часто не указывали. Так, *Каникулы мистера Ледбеттера* (в обработке В. Дубошина и В. Карзинкина, см. Уэллс 1934) вероятно перевел Александр Туфанов – его версия вышла в 1925 г. (Уэллс 1925). Туфанов, арестованный в 1931 г. вместе с обэриутами, ранее активно сотрудничал с Детгизом. Похожая судьба, возможно, постигла В. Готвальда (перевод *Первые люди на Луне*, см. Уэллс 1923а): в переизданиях 1935–1940 гг. имя переводчика уже отсутствует.

Такая практика стирания имён была частью более широкой тенденции: преследования и идеологическое давление затрагивали не только переводчиков, но и редакторов, авторов предисловий и комментариев. Евгений Замятин, редактировавший и сопровождавший вступительными статьями множество изданий (Уэллс 1919, 1920, 1922а, 1922б, 1923), а также составивший собрание сочинений 1924–1926 гг., с 1929 г. подвергался травле за роман *Мы*, и в 1931 г. эмигрировал. Помимо предисловий, он подготовил и отдельную книгу о британском фантасте (см. Замятин 1922) и, по-видимому, был главным исследователем его творчества в 1920-х.

Среди авторов паратекстов, посвященных произведениям Уэллса, были и те, чьи жизни трагически оборвались. Моисей Равич-Черкасский, историк и обществовед, был арестован в 1936 г., дальнейшая его судьба осталась неизвестной. Были арестованы и расстреляны видные литературоведы и редакторы Александр Старчаков (в 1937 г.), Роберт Куллэ (в 1938 г.), Сергей Динамов (в 1939 г.), Михаил Левидов (в 1942 г.). Александр Беляев, популярный фантаст и знакомый Уэллса, скончался от голода в 1942 г. во время немецкого наступления на Ленинград и оккупации Пушкина, будучи тяжело больным и не подлежавшим эвакуации.

[6] *Открытый заговор* стал доступен на русском языке лишь в последние годы (см. Уэллс 2021).

Под удар попали также писавшие об Уэллсе Абель Старцев, историк, критик, англист, арестованный в 1948 г. и проведший в лагерях шесть лет, и Исаак Звавич, преследовавшийся за космополитизм с 1949 г. Если Александр Ивич так и не получил официального признания, то Юрий Олеша, признанный автор 1920-х гг., в сталинскую эпоху оказался вне новой литературной реальности и фактически замолчал, оставшись в изоляции внутри самой системы. Иная судьба выпала Григорию Мишкевичу, сотруднику Детиздата: участник репрессий 1937–1938 гг., он сам был арестован в 1951 г. и освобожден лишь после смерти Сталина.

В отличие от вышеупомянутых, другие участники паратекстуального дискурса сумели успешно адаптироваться к советской системе и занять в ней устойчивое положение. В ряду таких – Давид Заславский, публицист, литературовед и партийный деятель, взгляды которого последовательно отражали господствующую идеологию. Ему принадлежат обличительные статьи против Мандельштама, Пастернака и Шостаковича. Виктор Шкловский, постепенно отошедший от формализма в начале 1930-х, также стремился соответствовать требованиям времени. Стабильная карьера сложилась у Льва Никулина – писателя и журналиста, неоднократно выезжавшего во Францию. Значительное внимание Уэллсу уделял и Анатолий Луначарский, первый нарком просвещения РСФСР, лично знакомый с писателем.

Таким образом, судьбы переводчиков и авторов паратекстов отражают сложную картину сталинской эпохи – от лоялистов до эмигрантов и жертв репрессий. Примечательно, что большинство из тех, чьи биографии нам известны, либо подверглись преследованиям, либо были вытеснены из литературной жизни.

## 2. *Типология и функция паратекстов*

Проанализируем теперь паратексты сквозь призму эпохи и личности их авторов: все они едины в оценке Уэллса как непревзойденного мастера научной фантастики. Так, Динамов называет его “королем” романа наряду с Голсуорси и Джойсом (Динамов 1929, 206), Луначарский видит в нем “чрезвычайно оригинальную и необыкновенно блестящую” фигуру европейской литературы (Луначарский 1930, XX), а Яков Рыкачев и Юрий Олеша подчеркивают блестящий стиль и эпический размах его фантастики (Рыкачев 1939, 13; Олеша 1937, 5). Этот в целом благосклонный взгляд на произведения буржуазного писателя сочетался с выраженной в директивах необходимостью хорошо знать западную литературу (Розенталь, Усиевич 1933).

Немаловажным положительным моментом для советских авторов была и острая критика Уэллсом буржуазного общества. Хотя он сам принадлежал к английскому среднему классу и в его мировоззрении присутствовали “сильные буржуазные элементы” (Динамов 1929, 211), Луначарский указывал, что “для Уэллса очень скоро выяснилась преходящесть буржуазного строя и полная [...] необходимость как можно скорей изжить все уродливые стороны этого общественного уклада” (Луначарский 1930, V). Эти идеи получили теоретическое обоснование в программной статье Мариэтты Шагинян 1933 г., где утверждалось, что искусство есть форма идеологии, а

выбор художественных средств – выражение политической позиции автора, определяющее ценность произведения, даже если речь идет о буржуазной литературе (Шагинян 1933, 28). Олеша видел в произведениях Уэллса "ужас капиталистического мира" (Олеша 1937, 5), а Балашов отмечал, что Уэллс "ярко и талантливо показал, как капитализм несет войны, разруху, нищету и голод" (Балашов 1938, 5). Более сдержанно высказались Старцев, отмечавший, что Уэллс все время отстаивал мысль о "ликвидации общественного строя, основанного на частной собственности" (Старцев 1936, 5–6) и Левидов, указавший, что писатель сумел отразить "все лучшее" из культуры капитализма, оставаясь при этом его искусным критиком (Левидов 1934, 1). Подход Левидова, напротив, не сочетался с линией, сформулированной Марком Розенталем в 1934 г., согласно которой мировоззрение писателя, если оно буржуазное, неизбежно несет в себе внутренние противоречия, подрывающие художественную ценность (Розенталь 1934, 25). Аналогично, Семен Вольфсон в том же году утверждал, что даже "научная" составляющая буржуазной культуры находится в стадии загнивания и не может быть источником позитивного влияния (Вольфсон 1934, 16).

Хотя в начале 1930-х гг. Л. Филатова и Рашель Миллер-Будницкая обнаруживают у Уэллса идеи, близкие к фашизму (Миллер-Будницкая 1932; Филатова 1935), в 1936 г. выход повести *Игрок в крокет* (*The Croquet Player*, 1936) изменил мнения критиков. Олеша отмечает "несомненную заслугу" писателя в приближении к антифашистскому фронту (Олеша 1937, 5), а две анонимные статьи в журнале "Интернациональная литература" подчеркивают, что Уэллс выступает "против фашизма и как писатель, и как политический деятель," осуждая "фашистское варварство" (Иллюзии Уэллса 1937, 88; Антифашистские писатели мира 1937, 122). В 1938 г. Звавич добавил, что Уэллс "в ужасе от всеобщего озверения и нарастающей угрозы фашизма" (Звавич 1938, 356). Такие нотки появляются в паратекстах этих лет неслучайно: в 1937 г. на втором международном конгрессе писателей была провозглашена необходимость единства всех антифашистов, и советской критике важно было заручиться поддержкой как можно большего числа зарубежных авторов (Конгресс 1937, 14). Так, к концу десятилетия Уэллс стал восприниматься не только как мастер научной фантастики и критик капитализма, но и как активный противник фашистской идеологии.

Наряду с положительными сторонами все авторы отмечали недостатки Уэллса: 'социальную близорукость' и 'технократические иллюзии'. Луначарский упрекал его в 'английском чванстве' и непонимании марксизма (Луначарский 1930), а анонимный автор статьи *Иллюзии Уэллса и правда жизни* – в игнорировании перспектив рабочего класса (Иллюзии Уэллса 1937, 88) – мотив, красной нитью проходящий через множество советских директив того времени (ср., например, тезис о том, что только литература, создаваемая писателями, перешедшими на сторону рабочего класса, способна передать полноту художественных образов, Кирпотин 1933, 41). Особенно опасным критики считали недоверие читателя к пролетариату – Уэллс считал, что "малокультурные, плохо образованные трудящиеся массы" лишь усугубляют хаос (Старцев 1936, 6). Таким образом, утопия "мирной эволюции" под руководством "разумных

организаторов" была единодушно отвергнута: "Любой комсомолец [...] без труда разберется в этой наивной и невежественной концепции" (Рыкачев 1939, 11).

Ключевую "иллюзию" Уэллса критики видели в отказе от революции и классовой борьбы – уже в 1930 г. Луначарский осуждал его за то, что он "совершенно не революционер" и предпочитает "эволюционные" пути (Луначарский 1930, VII). В послесловии к *Человеку-невидимке* физиолог Андрей Лебединский и математик Яков Перельман продолжили эту линию: они не только рассуждали о феномене невидимости, но и обвиняли Уэллса в том, что он "правоверный буржуазный реформист," неспособный представить "вооруженное пролетарское наступление" и победу над капитализмом (Лебединский, Перельман 1936, 179). Участие таких видных ученых подчеркивает серьезность и статус дискуссии об Уэллсе, но одновременно демонстрирует, что даже в сугубо научных статьях появлялись идеологические отсылки, никак не связанные с предметом исследования. При этом вся эта полемика формировалась в режиме обязательного цензурного контроля: переводы и паратексты направлялись на согласование в Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), где цензоры удаляли или смягчали фрагменты, противоречившие партийным директивам, и правили предисловия, рецензии и критические статьи (Fitzpatrick 1992, 91–114; Плампер 2014). Именно благодаря этой процедуре многие наиболее острые замечания авторов, касавшиеся советской действительности и организационных провалов, либо редактировались, либо не были допущены к печати, что усиливало единство официального 'голоса' паратекстов. Все это позволяет перейти от анализа типологических особенностей к рассмотрению различий между самими авторами, нередко придававшими индивидуальный отпечаток официальному дискурсу.

### 3. *Различия паратекстов разных авторов*

На общем фоне 'единого голоса' бросается в глаза благосклонный тон Евгения Замятина, который уже в 1922 г. опубликовал первую в СССР монографию о британском фантасте (*Герберт Уэллс*, Петроград, Эпоха), а затем включил это же эссе в предисловие к *Собранию сочинений* (Ленинград, Мысль), изданному в 1924 г. В своем поэтически окрашенном тексте он противопоставляет "русскую сказку", где герой ждет чуда "по щучьему веленью", "городскому эпосу" английского писателя, который рождает чудеса "через чертежную доску", "логарифмическую линейку" и лабораторные опыты (Замятин 1922, 9). По Замятину, именно эта "формульная" практика отличает автора от "русских сказочников" и делает его "почти поэтом науки" (там же).

Социальные зарисовки Уэллса он называет "великолепной пародией на современную цивилизацию", а призыв к человечеству – центральным пафосом произведений: "Уэллс зовет людей опомниться, пока еще не поздно, [...] вспомнить, что они не англичане, французы, немцы, а люди" (там же, 18). Замятин подчеркивает, что социалистические идеи писателя не поддаются партийной стандартизации:

> Художника настоящего – никогда не уложить в уже созданный, семидневный, отвердевший мир какой-нибудь догмы. Он непременно выскочит из параграфов этой догмы, он непременно будет еретиком. (Там же, 18)

Замятин приветствует кредо писателя, где разум и ценность человеческой жизни превыше насилия, считая отказ от революционных методов вполне оправданным ("красное знамя Уэллса окрашено не кровью, [...] [а] зарей нового человеческого дня", а жизнь для него – "неприкосновенная ценность," там же, 20). Замятин с тем же пониманием воспринимал и религиозные мотивы в творчестве Уэллса, считая обращение к теме Бога естественным продолжением его гуманизма и научного мировоззрения. Резко контрастирует с этим пассажем мнение Старцева, который в 1936 г. обвиняет Уэллса в "задушенном поповщиной богостроительстве" и скандальном "флирте с Господом," который якобы "одухотворил" все его творчество (Старцев 1936, 8). Замятин же, напротив, видит в религиозных метафорах продолжение рационального и социалистического проекта: "на фундаменте разумности, целесообразности всего бытия Уэллс строит храм своему Богу и рядом [...] воздвигает свои лаборатории, свои социалистические фаланстеры" (там же, 29); "этот Бог – западный, требующий от человека [...] активности" и хоругви его – красные (там же, 35). Религиозные метафоры Уэллса в этой трактовке дополняют его социалистические и научные устремления, тогда как у Старцева становятся поводом для идеологической атаки.

В заключение Замятин, вопреки мнению большинства последующих рецензентов, отвергает классификацию "социально-фантастических" романов писателя как утопий, подчеркивая их памфлетную функцию: они вскрывают "дефекты существующего строя," а не рисуют "грядущий рай." По его словам, эти произведения представляют собой "новую, оригинальную разновидность литературной формы" (там же, 43).

Такая положительная оценка объясняется относительной свободой начала 1920-х: ещё до наступления жёсткой идеологической цензуры Замятин выступил как редактор и критик Уэллса. Уже в 1924 г. Давид Заславский, отдавая дань социальной ангажированности писателя ("резкая критика буржуазного порядка, [...] проповедь общечеловеческой солидарности"), упрекал его в "примитивности" и "наивном идеализме," сравнивая его идеализм с "воскресным цилиндром" английского джентльмена (Заславский 1924, 8–12). Тем не менее он признавал, что *Краткая история человечества* – "не скучный род литературы," а "новая характерная черта" в творчестве популярного автора (Заславский 1924, 18).

Разные авторские подходы часто отражали не только личные убеждения, но и меняющийся идеологический климат – на котором мы теперь остановимся более подробно.

### 4. *Различия паратекстов во времени*

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. паратексты в целом сохраняли снисходительный тон, признавая 'чуждость' Уэллса по отношению к советской действительности. Так,

в 1923 г. Р. Арский признавал: "нельзя и требовать того, чтобы взгляды человека, воспитанного в совершенно другой общественной среде, [...] сошлись с нашими взглядами" (Арский 1923, VII), и советовал не отвергать автора за это. Р. Генкель в 1924 г. обращал внимание на то, что британец, "прочно коренясь в почве Альбиона с его консерватизмом," не приемлет "революционный подход" и остается сторонником эволюции (Генкель 1924, 3). Рецензия 1925 г. (автор В.К.) ставила в упрек прозаику "анти-исторический" склад ума, не позволяющий "выйти мыслью за пределы своей эпохи" (В.К. 1925, 6).

Более благожелательное и взвешенное отношение к Уэллсу в конце 1920-х гг. заметно на примере обзоров Динамова. В эссе 1928 г. о романах *Мир Вильяма Клиссольда* (*The World of William Clissold*, 1926) и *В ожидании: Портрет женщины* (*Meanwhile, or the Picture of a Woman*, 1927), он подчеркивает, что эти произведения отражают "сознание английской радикальной мелкобуржуазной интеллигенции, в особенности же ее научно-технической части" (Динамов 1928а, 5), а чуть позже с некоторой долей иронии замечает, что "английская интеллигенция [...] уже сходит с капиталистического пути" (Динамов 1928б, 46). При этом критические ремарки смягчаются через союз "но":

> Уэллс – против коммунизма, *но*[7] он вынужден был с похвалой отозваться о деятельности компартии [...]. Уэллс – за мирное эволюционное изменение общества, *но* он с едкой иронией обрисовал поведение реформистов [...]. Уэллс – не выступает против капитализма в целом, *но* он показывает лицо капитализма, задавившего горняков. (Динамов 1928а, 17)

– где союз "но" постоянно возвращает читателя к сильным сторонам автора. Уже в 1929 г. Динамов переключается на союз "и," констатируя неразрешимые противоречия:

> Он выступает против капитализма *и* проповедует союз с ним, видит безысходность строя *и* отталкивается от революции, дает мрачные картины классовой борьбы *и* не принимает теории этой борьбы. (Динамов 1929, 210)

Такая риторическая стратегия – сперва баланс через "но", затем акцент на противоречиях через "и" – отражает эволюцию оценки Уэллса с конца 1920-х.

Луначарский в 1930 г. сохранял взвешенный подход, называя Уэллса "одним из любимых писателей нашей молодежи" и подчеркивая, что его увлекательность рождается из "сочетания воображения и серьезного отношения к науке" (Луначарский 1930, IX). Схожую позицию занимает Старчаков, автор нескольких предисловий к произведениям из *Собрания фантастических повестей и рассказов*, который, несмотря на упоминание "буржуазного пацифизма" и "филистерства", считал, что читатели с легкостью оценят "великолепный художественный дар" писателя (Старчаков 1930а, 202; 1930б, 8). Эти оценки свидетельствуют, что в начале 1930-х, несмотря на идеоло-

[7] Курсив наш.

гические оговорки, Уэллса по-прежнему воспринимали как новатора фантастического жанра, а не как писателя, вызывавшего недоверие у партии.

В том же духе Роберт Куллэ, открывая новое собрание сочинений, восхищался "обилием материала", который Уэллс "превращает в ценные художественные открытия" (Куллэ 1930, XXVII). Признавая его "мелкобуржуазное" происхождение и статус автодидакта, он подчеркивал способность автора преобразовывать "научно-инженерную культуру" в богатую художественную лабораторию (там же, XVII). В том же направлении развиваются рекомендации Павла Юдина об укреплении связи литературы с научно-технической интеллигенцией и обеспечении "классовой цельности" художественного метода (Юдин 1934, 3–12). Все это предвосхищает постепенный сдвиг в сторону ужесточения критики, который достиг кульминации в 1934 г. – переломном моменте для всей литературной политики СССР.

На Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. были обозначены и ратифицированы ключевые позиции будущей паратекстуальной стратегии. Имя британского автора стало предметом оживленной дискуссии. Карл Радек, Бруно Ясенский и Лев Никулин выступили с резкой критикой, осудив наследие 'старого мира' в образах "уэллсовских машин" и охарактеризовав пацифизм писателя как проявление "английского аристократического снобизма" (Ясенский 1934, 276; Никулин 1934, 330). Радек обвинил его в политическом бессилии и буржуазном пацифизме, неспособности противостоять угрозе войны. Его доклад, сочетавший критику Уэллса с нападками на 'нечестивую триаду' Пруста, Джойса и Кафки, стал ориентиром паратекстуальной политики второй половины 1930-х[8]. Более того, Радек предложил целостную схему 'мировоззренческого краха' Уэллса: "Этот писатель, который претендовал не столько на роль великого художника, сколько на роль мозга английской литературы, не понял буквально ничего" (Радек 1934, 296). Эти тезисы – о 'технократических иллюзиях' и 'буржуазной слепоте' – стали хрестоматийными и воспроизводились в десятках паратекстов.

После этого риторика меняется: вместо умеренных замечаний появляются оскорбления. В 1936 г. Старцев называл Уэллса "семидесятилетним фантазером" с "заплесневелыми идеями," чья идеология "полна дичайших анахронизмов" и служит защитой буржуазного господства (Старцев 1936, 30), а Мишкевич обвиняет его в "воинствующем мракобесии" (Мишкевич 1938, 219).

К 1939 г. критика становится безапелляционной и практически тотальной. Рыкачев настаивает на необходимости нейтрализовать "идеологический яд, присут-

[8] На этом фоне едва ли не единственным позитивным выступлением стала речь инженера Михаила Лапирова-Скобло, напомнившего о значении научной фантастики Уэллса как источника технического воображения и предвидения научных открытий (Лапиров-Скобло 1934, 435). Несмотря на общий фокус на советском контексте, показательно и мнение зарубежных делегатов. Амабель Уильямс-Эллис, подчеркивая снижение интереса к Уэллсу среди молодежи и рост популярности Олдоса Хаксли, выступила в защиту литературного плюрализма (Вильямс-Эллис 1934); Эрнст Толлер с симпатией упомянул Уэллса как любимого автора рабочих, с которыми он беседовал на пароходе "Рыков," – то есть как автора, живо присутствующего в читательской практике советского пролетариата и символа доступной мировой культуры (Толлер 1934, 453).

ствующий в каждой книге Уэллса: его наивные рецепты спасения человечества" (Рыкачев 1939, 12). Если в середине 1930-х авторы, как Левидов, еще надеялись, что британский мыслитель "преодолеет свою ограниченность" (Левидов 1934, 1), то к 1938 г. Звавич уже усомнился в этом. По его мнению, стремясь сохранить "среднюю" позицию между фашизмом и коммунизмом, писатель "вольно или невольно играет на руку самым темным силам" (Звавич 1938, 357). В той же статье он называет уэллсовскую утопию "утомительной, бесплодной," а его веру в "критически мыслящих личностей" – "наивной" и "достаточно неприятной" (там же). Рыкачев говорит о "позорном завершении" его социально-фантастических исканий (Рыкачев 1939, 11), а Ивич и Шкловский подчеркивают его анахроничность, отмечая, что он "создан той Англией [...], робкой, состарившейся" (Шкловский, Ивич 1939, 18).

Эти оценки напрямую соотносятся с идеологическими установками конца десятилетия – утверждением о буржуазном обесчеловечении, накопившемся за годы империалистического загнивания в литературе декаданса, которое отравляет сознание писателя (Усиевич 1936, 27), о культурном вырождении буржуазии (например, Розенталь 1936). Георг Лукач, утверждал, что "распад охватил всю буржуазную идеологию, и ему противились только немногие гуманисты, бессильные изменить весь ход общественного развития" (Лукач 1939, 4). В этом контексте паратексты функционируют как инструмент партийного дискурса, превращая прежнего реформатора в символ классового врага.

Итоговый взгляд показывает хронологическую эволюцию 'голосов' авторов паратекстов. В начале 1920-х Замятин, пользуясь относительной свободой, прибегает к поэтической и гуманистической интонации, подчеркивая универсализм и нравственный пафос английского писателя. Во второй половине 1920-х – начале 1930-х проявляется внутренняя разнородность: практически в каждом тексте соседствуют идеологическая критика и признание художественных достоинств. Особенно выразительно эта риторическая амбивалентность проявляется у Луначарского, склонного к взвешенному, 'педагогическому' тону, и у Динамова, который сначала стремится сохранить равновесие между осуждением и признанием, но уже к 1929 г. выстраивает логически непримиримую схему противоречий. К концу 1930-х гг. паратексты радикализуются – красноречивое свидетельство становления идеологической монолитности и утраты прежнего риторического баланса.

Таким образом, диахронический анализ советских паратекстов выявляет прогрессирующее идеологическое дистанцирование от фигуры Уэллса, что подводит нас к необходимости рассмотреть и обратный взгляд: восприятие писателем Советской России и взаимодействие с советским пространством, неизбежно преломленные в этом процессе рецепции.

## 5. *Уэллс и Россия*

Рецепция Уэллса в Советском Союзе складывалась из трех взаимосвязанных элементов: собственных впечатлений писателя от двух поездок (1920 и 1934 гг.), многократных со-

ветских ‘обработок’ его текстов и его личной эмоциональной привязанности к России, обусловленной романом с Марией ‘Мурой’ Будберг и дружбой с Максимом Горьким.

Писатель впервые побывал в России в 1914 г. и отнесся к ней вполне благосклонно: “с большим удовольствием гулял по этим улицам, покупая разные вещицы и наблюдая оживленное уличное движение” (Уэллс 1922, 15), его очаровал русский театр и впечатлили встречи с интеллектуалами. Во время второй поездки, в 1920 г., он увидел страну, разоренную Гражданской войной, признал правительство большевиков “единственным, которое может не допустить Россию до окончательной гибели” (там же, 94), но назвал его “самым смелым и вместе с тем самым неопытным правительством в мире,” упрекнув за красный террор и “отсутствие внутренней организации” (там же, 52, 79). Эти заметки вошли в первое советское издание его очерка *Russia in the Shadows* (*Россия во мгле*), вышедшее в Харькове в 1922 г. с объемным предисловием Моисея Равича-Черкасского.

Примечательно, что заглавие *Россия во мгле*, закрепленное за эмигрантским софийским изданием 1921 г. (см. Уэллс 1921, перевод и предисловие Николая Трубецкого[9]), представляет собой не буквальный перевод оригинального *Russia in the Shadows*, а его семантически усиленную интерпретацию. В отличие от возможных, но стилистически менее выразительных вариантов вроде *Россия в тени* или *Россия в сумерках* (ср. у Замятина 1922), слово *мгла* придает заглавию поэтическую насыщенность и – в советском контексте – определенную идеологическую окраску[10]. Таким образом, уже само заглавие *Россия во мгле* программирует негативное восприятие России – не только как образ пространственной темноты, но и как метафору когнитивного и идеологического затмения. Оно формирует интерпретационную рамку еще до начала чтения – наглядный пример действия паратекста как средства смысловой и идеологической фильтрации.

Вступление Равича-Черкасского превратило многогранный отчет Уэллса в инструмент пропаганды. Апеллируя к “объективности англичанина,” он цитировал уэллсовские описания “грандиозной катастрофы” и акцентировал внимание на том, что писатель винит во всех бедах России “мстительного французского кредитора” и “тупого английского журналиста” (Равич-Черкасский 1922, 7), но умалчивал резкие

[9] В пространном предисловии к харьковскому изданию 1922 г. Равич-Черкасский резко полемизирует с Трубецким, называя его “отщепенцем,” “предателем” и обвиняя в желании отдать Россию “гнилому Западу” (Равич-Черкасский 1922, 5, 8, 11). Между тем сам Трубецкой в ироничном предисловии подчеркивал, что Уэллс не понял ни большевизма, ни самой России (см. Трубецкой 1921, XII). Парадоксально, но обе стороны – эмигрант и советский критик – обвиняют Уэллса в непонимании российской действительности, исходя из противоположных позиций.

[10] Слово *мгла*, использованное в советском переводе, имеет иную образную окраску по сравнению с более нейтральными *тенью* или *сумерками*, которые, согласно *Русско-английскому словарю* А. Александрова (1915, 621, 650), ближе к оригинальному *Shadows*. В *Толковом словаре* Даля (издание 1914 г., дополненное и отредактированное Бодуэном де Куртенэ), *мгла* определяется как “помраченье воздуха [...] и мешающее зрению” (Даль 1914, 811) – временное затмение, не исключающее возвращения видимости. В советском контексте это могло восприниматься как метафора преходящих трудностей, что, возможно, лучше соответствовало идеологической установке на оптимизм и преодоление.

оценки, даваемые британским гостем большевистскому правительству. Критические же пассажи эссе о красном терроре, некомпетентности и "социальном разложении" революции оказались сведены к "буржуазному шаблону" и объявлены плодом "незнания России" (Равич-Черкасский 1922, 6). Такой подход в целом отвечает политике критических статей, позднее сформулированной в директивах 1930-х гг.:

> Критик должен научиться писать [...] для рабочих и колхозных масс, научиться критиковать с точки зрения современности, с точки зрения тех вопросов, которые волнуют массы, писать так, чтобы вооружать массы умением критически относиться к художественным произведениям, вооружать массы пониманием этих произведений. (Крупская 1933, 8)

В 1920–х гг. *Россия во мгле* вызывала в целом одобрительные оценки некоторых советских критиков: Адриан Пиотровский в предисловии к *Душе епископа* (1924) назвал уэллсовский отчет актом мужества и честного анализа (Пиотровский 1924, 7), а Р. Арский (1923) подчеркивал "обостренное чувство художника и общественника" (Арский 1923, III).

Критическая интонация быстро ужесточалась: от определения Старчакова, назвавшего очерк "памятником филистерского суждения" и "исповедью пигмея в стране гигантов" (Старчаков 1930в, 139), через формулу Левидова о "трагической ошибке" (Левидов 1934, 1) и упрек Льва Никулина, что Уэллс так и "не сумел понять, что происходит в Советском Союзе" (Никулин 1937, 5), – к оценке Мишкевича, для которого книга превратилась в "оскандалившуюся" (Мишкевич 1938, 222). По мнению Радека, *Россию во мгле* наиболее точно отражает всю позицию писателя, в которой он, несмотря на декларативное неприятие интервенции, изображает страну как "полный развал и разрушение современной цивилизации," а советскую власть как "правительство дилетантов" (Радек 1934, 295–296).

Одной из важнейших (в том числе для советской критики) частей эссе Уэллса стала глава "Кремлевский мечтатель" посвященная встрече с Лениным. Сам писатель придавал этой встрече большое значение, рассматривая ее как один из ключевых моментов поездки. В советской интерпретации эпизод получил устойчивое прочтение: он изображался прежде всего как обсуждение плана ГОЭЛРО (Государственная комиссия по электрификации России). Подчеркивалось, что англичанин не поверил в возможность этого проекта, назвал Ленина мечтателем, но позже убедился в реальности его замысла, посетив страну через 14 лет. Слова Ленина – "Приезжайте снова через десять лет и посмотрите, что сделано в России за это время" – активно цитировались; в том числе Беляев, обращаясь к знаменитому писателю, "непревзойденному фантасту, пророку и провидцу будущего," призывает его приехать и посмотреть "на [социалистический город] своими ясновидящими глазами. Сравните его с вашими городами во мгле! [...] Это город – 'кремлевского мечтателя'" (Беляев 1933, 13). В стилизованной под путевые заметки статье Уэллс предстает как растерянный буржуазный наблюдатель, неспособный осмыслить достижения социализма без 'разъяснений' советского рассказчика.

Через год после публикации статьи Беляева Уэллс снова посетил Россию; ключевым моментом этой поездки стала его встреча со Сталиным. Стенограмма беседы, состоявшейся во время визита в 1934 г., была опубликована в следующем году (Сталин 1935)[11] и затем без изменений переиздавалась в 1937–1939 гг. Именно эта запись, лишенная всяких пояснений, стала 'кладезем' цитируемых в паратекстах 'партийных формулировок' вождя. Старцев обвинял Уэллса в стратегии "твердить зады и врать за двух", цитируя его слова о "многочисленных талантливых инженерах-организаторах" и "примитивном антагонизме классовой борьбы" (Старцев 1936, 30), а Балашов усматривал в доводах Сталина доказательство "обманчивости иллюзий" писателя (Балашов 1938, 6). В русскоязычных изданиях беседы имеются примечательные расхождения с английским оригиналом: переводчик сознательно вставлял прокоммунистические пассажи и "сглаживал" скепсис Уэллса, чтобы представить его более "сочувствующим идеям коммунизма" (Савенкова 2016, 93).

Наконец, эмоциональный фон уэллсовских текстов определяла его личная жизнь, связанная с Россией: многолетний роман с 'Мурой'[12], секретаршей Горького и, по некоторым свидетельствам, секретным агентом, а также многолетняя дружба с самим писателем. Отношения с Горьким ухудшились после их встречи в 1934 г.: Уэллс упрекал его, что тот "превратился в законченного сталиниста," утратив "человеческое начало" и став "Пролетарским Гением с твердыми классовыми установками" (Уэллс 2007, 417). Сам же автор признавал, что ревность к "Муре, преданной России," сделала его "суждения о России в течение нескольких лет чересчур суровыми и несправедливыми" (Уэллс 2007, 533).

В финальном аккорде при отъезде из Советского Союза в 1934 г. писатель также сравнивает Россию с возлюбленной: "Для меня Россия всегда обладала каким-то особым очарованием, и теперь я горько сокрушаюсь о том, что эта великая страна движется к новой системе лжи, как сокрушается влюбленный, когда любимая отдаляется" (Уэллс 2007, 423). Эта фраза, объединяющая объективный взгляд публициста и боль от утраты прежних надежд, завершает многослойный портрет Уэллса в СССР – от 'объективного иностранца' до человека, чья эмоциональная привязанность испытала столкновение со сталинской действительностью.

[11] В Англии текст этой беседы был издан годом ранее на основании записей Уэллса (Wells 1934). Переводчиком во время встречи был Константин Уманский – дипломат, известный своей феноменальной памятью и лингвистическими способностями (см. Кагарлицкий 1989, 334).

[12] Мария (Мура) Закревская-Бенкендорф-Будберг – международная авантюристка, писательница, предположительно тройной агент ОГПУ, английской и германской разведок. Уэллс познакомился с ней в 1920 г. в Москве, когда останавливался у Горького. Впоследствии Мура переехала в Англию. В 1934 г. она не сопровождала Уэллса в поездке, сославшись на запрет въезда в СССР. Однако по приезде Уэллс узнал от Горького, что она недавно была в Москве. Эта ложь, причины которой он так и не понял, стала для писателя серьезным ударом и поворотным моментом в отношениях с любовницей (Уэллс 2007, 529–530).

*Заключение*

Наш диахронический и сравнительный анализ паратекстов советских изданий Уэллса в 1920–1930-е годы выявил пять ключевых тенденций, определявших идеологическую рецепцию его творчества.

Во-первых, *выбор авторов паратекстов* – от лояльных к режиму Луначарского и Заславского до относительно автономных критиков, таких как Замятин, – задавал тональность и степень 'открытости' издания.

Во-вторых, *динамика стратегий акцентирования и нейтрализации* утопических и прогрессивных мотивов в его произведениях отражала изменение политического курса: если в 1920-е годы превалировали позитивные оценки 'социалистической' направленности, то к середине 1930-х эти же мотивы становились поводом для критики и нивелирования революционного посыла.

В-третьих, важнейшим инструментом контроля выступали *паратексты, функционировавшие как медиаторы* идеологически направленного восприятия и к 1934 г. достигшие высокой степени унификации. При этом даже после официального приема писателя Сталиным идеологическая фильтрация не ослабла.

Четвертым фактором стало *напряжение между партийными директивами и индивидуальностью авторов паратекстов*: несмотря на аресты и преследования, подавляющее большинство текстов строго соответствовало линии партии, в то время как редкие исключения – например, Замятин – демонстрировали лишь локальные проявления интерпретационной свободы.

Наконец, *устойчивый читательский интерес* – тиражи переводов достигали 25 000 экземпляров – указывает на разрыв между официальным контролем и реальными запросами аудитории.

Таким образом, паратексты советских переводов Уэллса действительно функционировали как 'поле семиотической битвы', где текст и сопровождающие его элементы переплетались в интересах идеологической ортодоксии. В послесталинский период, на фоне активного развития советской научной фантастики, Уэллс продолжал восприниматься как одна из ключевых фигур жанра – не столько как актуальный идеологический ориентир, сколько как исходная модель и точка отсчета для последующих интерпретаций и переосмыслений. Его влияние на формирование советской фантастики и на способы ее историко-литературного осмысления подробно анализировалось как в позднесоветской критике, так и в постсоветских и эмигрантских исследованиях (Бритиков 1970; Ревич 1997; Heller 1979). Однако за внешней риторической однородностью прослеживаются не только изменения культурной политики СССР 1930-х гг., но и скрытые зоны напряжения – между замыслом автора, установками критики и ожиданиями читателя. Эти противоречия, возможно, и определяют подлинную сложность советской рецепции классика английской литературы – как объекта не только идеологического контроля, но и культурного переосмысления.

*Список литературы*

Baer, Brian J., ed. 2011. *Contexts, Subtexts and Pretexts: Literary Translation in Eastern Europe and Russia*, edited by Brian J. Baer. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins.

Baer, Brian J., Witt, Susanna, eds. 2018. *Translation in Russian Contexts: Culture, Politics, Identity*. New York: Routledge.

Bourdieu, Pierre. 1991. *Language and Symbolic Power*, edited by John B. Thompson, translated by Gino Raymond, Matthew Adamson. Cambridge: Polity Press.

Clark, Katerina. 2011. *Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941*. Cambridge/London: Harvard University Press.

David-Fox, Michael. 2012. *Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921-1941.* Oxford/New York: Oxford University Press.

Diment, Galya, ed. 2019. *H. G. Wells and All Things Russian*. London: Anthem Press.

Fitzpatrick, Sheila. 1992. *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca, New York: Cornell University Press.

Frank, Susanne. 2022. "Critical Appropriation of Literary Heritage and the Shaping of Soviet National Literatures: A Close Reading of the Debate in the Journal 'Literaturnyi Kritik' ('The Literary Critic', 1933–36)." *Slavic Review* 81 (4): 891–913.

Genette, Gérard. 1987. *Seuils*. Paris: Éditions du Seuil.

Heller, Léonid. 1979. *De la science-fiction soviétique: par delà le dogme, un univers*. Lausanne: L'Âge d'Homme.

Lefevere, André. 1992. *Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame*. London/New York: Routledge.

Parrinder, Patrick. 2005. "Introduction: An Outline of Well's Reception in Europe." In *The Reception of H. G. Wells in Europe*, edited by Patrick Parrinder, John S. Partington, 1–13. New York: Thoemmes Continuum.

Soboleva, Olga, Wrenn, Angus. 2017. *From Orientalism to Cultural Capital. The Myth of Russia in British Literature of the 1920s*. Oxford/Bern/Berlin: Peter Lang.

Wells, Herbert G. 1934. *Stalin – Wells talk. The Verbatim Record and a Discussion by G. B. Shaw, H. G. Wells, J. M. Keynes, E. Toller and Others*. London: New Statesman and Nation.

Zemskova, Elena. 2014. "'Gaining Literary Citizenship': Translators in the Soviet Literary Bureaucracy of the 1930s." *Higher School of Economics Research Paper*, https://ssrn.com/abstract=2535241 (последнее обращение 12 июня 2025).

Александров, А. (псевдоним). 1915. *Полный русско-английский словарь*, 5-е изд., испр. и доп. Петроград: Книжный и географический магазин изданий Главного штаба.

Антифашистские писатели мира. 1937. "Антифашистские писатели мира: Герберт Уэллс." *Интернациональная литература* 12: 122.

Арский, Р. 1923. "Предисловие." В Г. Дж. Уэллс. *Международная катастрофа 1914 года и ее последствия*, пер. с англ. Влодзимира Круковского, III–VII. Москва-Петроград: Гос. изд-во.

Балашов, Петр. 1938. "Предисловие." В Уэллс Г. Дж., *Игрок в крокет*, пер. с англ. Семена Г. Займовского, 3–6. Москва: Гослитиздат.

Баскина, Мария. 2021. "Филологически точный перевод 1920–1930-х годов: люди и институции." В *Художественно-филологический перевод 1920–1930-х годов*, сост. Мария Э. Баскина, 5–80. Санкт-Петербург: Nestor-История.

Беляев, Александр. 1933. "Огни социализма или господин Уэльс во мгле." *Вокруг света* 13: 10–13.

Бритиков, Анатолий. 1970. *Русский советский научно-фантастический роман*. Москва: Наука.

В. К. 1925. "Предисловие к русскому изданию." В Уэллс Г. Дж., *Машина времени*, пер. с англ. Эмилии К. Пименовой, 5–8. Ленинград-Москва: Петроград.

Вильямс-Эллис, Амабель [Williams-Ellis, Amabel]. 1934. "Речь Амабель Вильямс-Эллис." В *Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет*, 333–335. Москва: Художественная литература.

Вольфсон, Семен. 1934. "Наука и философия загнивающего капитализма." *Литературный критик* 6: 13–35.

Генкель, Герман. 1924. "Предисловие к русскому изданию." В Уэллс Г. Дж., *Сон*, пер. с англ.; под ред. и с предисл. Германа Г. Генкеля, 3–7. Ленинград: Прибой.

Даль, Владимир. 1914. *Толковый словарь живого великорусского языка* [в 4 т.], под ред. Ивана А. Бодуэна де Куртенэ, 4-е испр. и знач. доп. изд. СПб.; М.: Изд. Т-ва М. О. Вольф, 1912–1914. – Т. 2: И–О.

Динамов, Сергей. 1928а. "Предисловие." В Уэллс Г. Дж., *В ожидании: Портрет женщины*, пер. с англ. Семена Г. Займовского, 5–17. Москва-Ленинград: Гос. изд-во.

Динамов, Сергей. 1928б. "Предисловие." В Уэллс Г. Дж., *Мир Вильяма Клиссольда: Роман под новым углом зрения*, пер. с англ. Н. П. Вельмина, Веры А. Барбашевой, Семена Г. Займовского, 17–46. Москва- Ленинград: Гос. изд-во.

Динамов, Сергей. 1929. "Герберт Уэллс на переломе." *Вестник иностранной литературы* 1: 205–212.

Добренко, Евгений. 2011. "Русская литературная критика: История и метадискурс." В *История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи*, под ред. Евгения А. Добренко, Галин Тиханов, 5–36. Москва: НЛО.

Замятин, Евгений. 1922. *Герберт Уэллс*. Петербург: Эпоха.

Заславский, Давид. 1924. "Предисловие." В Уэллс Г. Дж., *Краткая история человечества (От возникновения жизни на земле до Октябрьской революции и начала возрождения России)*, пер. с англ. В. Азова, 7–18. Ленинград-Москва: Петроград.

Звавич, Исаак. 1938. "Три новые книги Г. Уэллса." *Интернациональная литература* 2–3: 354–357.

Иллюзии Уэллса. 1937. "Иллюзии Уэллса и правда жизни." *Интернациональная литература* 7: 87–88.

Кагарлицкий, Юлий. 1989. *Вглядываясь в грядущее: Книга о Герберте Уэллсе*. Москва: Книга.

Кирпотин, Валерий. 1933. "О социалистическом реализме." *Литературный критик* 1: 32–48.

Конгресс 1937. "Второй международный конгресс писателей." *Литературный критик* 8: 13–17.

Крупская, Надежда. 1933. "Писатель и массы (Библиотека в помощь советскому писателю и литературному критику)." *Литературный критик* 6: 7–11.

Куллэ, Роберт. 1930. "Герберт Джордж Уэллс." В Уэллс Г. Дж., *Собрания фантастических романов и рассказов* [в 6 т.], т. 1, XIII–XXVII. Москва–Ленинград: Земля и Фабрика.

Лапиров-Скобло, Михаил. 1934. "Речь проф. М. Я. Лапирова-Скобло." В *Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет*, 434–436. Москва: Художественная литература.

Лебединский, Андрей, Перельман, Яков. 1936. "Послесловие." В Уэллс Г. Дж,. *Человек-невидимка*, пер. Эмилии К. Пименовой, 168–180. Ленинград: Молодая гвардия. Ленинградское отделение.

Левидов, Михаил. 1934. "Герберт Джордж Уэллс (к приезду в СССР)." *Литературная газета* 92 (408), 22 июля: 1.

Левидова, Инна, Парчевская, Бронислава. 1966. *Герберт Джордж Уэллс: библиография русских переводов и критической литературы на русском языке, 1898-1965*. Москва: Книга.

Лотман, Юрий. 1977. "Текст и структура аудитории." *Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартуского государственного университета* 422 (9): 55–61.

Лукач, Георг [Lukács, György]. 1939. "Художник и критик." *Литературный критик* 7: 3–31.

Луначарский, Анатолий. 1930. "Г. Дж. Уэллс." В Уэллс Г. Дж., *Собрания фантастических романов и рассказов Г. Дж. Уэллса* [в 6 т.], т. 1, III-IX. Москва-Ленинград: Земля и Фабрика.

Олеша, Юрий. 1937. "О фантастике Уэллса." *Литературная газета* 52 (688), 26 сентября: 5.

Пиотровский, Адриан. 1924. "Предисловие." В Уэллс Г. Дж., *Душа епископа: Повесть о совести, религии, жизненных тревогах и немного о любви*, пер. Г. Г. Бродерсона, ред. В. А. Азова, 7–9. Ленинград: Атеней.

Плампер, Ян. 2014. "Запрет на двусмысленность: советская цензурная практика 1930-х годов." *Новое Литературное Обозрение* 6 (130): 141–161.

Равич-Черкасский [Рабинович], Моисей. 1922. "Предисловие." В Уэллс Г. Дж., *Россия во мгле*, 3–11. Харьков: Госиздат Украины.

Радек, Карл. 1934. "Современная мировая литература и задачи пролетарского искусства." В *Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет*, 291–318. Москва: Художественная литература.

Ревич, Всеволод. 1997. *Перекресток утопий: Судьбы фантастики на фоне судеб страны*. Москва: Институт востоковедения РАН.

Розенталь, Марк. 1934. "Еще раз о мировоззрении в художественном творчестве." *Литературный критик* 5: 8–34.

Розенталь, Марк. 1936. "О марксиствующих критиках и социальном анализе." *Литературный критик* 1: 31–47.

Розенталь, Марк, Усиевич, Елена. 1933. "Критика и лозунг социалистического реализма." *Литературный критик* 3: 114–122.

Рыкачев, Яков. 1939. "Герберт Уэллс." *Детская литература* 5: 9–13.

Савенкова, Анна. 2016. *Образ России в английской публицистике 20–40-х гг. XX в.: к проблеме кросс-культурной коммуникации (Г.Дж. Уэллс, У.С. Моэм, Дж.Б. Пристли)* [дисс. канд. филол. наук]. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Сталин, Иосиф. 1935. *Беседа с английским писателем Г. Дж. Уэллсом 23 июля 1934 г.* Москва: Партиздат.

Старцев, Абель. 1936. "Предисловие." В Уэллс Г. Дж., *Фантастика: Романы и рассказы*, под ред. Петра С. Балашова, 5–30. Москва: Художественная литература.

Старчаков, Александр. 1930а. "Предисловие." В Уэллс Г. Дж. *Война в воздухе*. В *Собрание фантастических романов и рассказов* [в 6 т.], т. 2, 201–202. Москва-Ленинград: Земля и Фабрика.

Старчаков, Александр. 1930б. "Предисловие." В Уэллс Г. Дж. *Люди как боги*. В *Собрание фантастических романов и рассказов* [в 6 т.], т. 3, 5–8. Москва–Ленинград: Земля и Фабрика.

Старчаков, Александр. 1930в. "Предисловие." В Уэллс Г. Дж. *Пища богов*. В *Собрание фантастических романов и рассказов* [в 6 т.], т. 4, 137–139. Москва–Ленинград: Земля и Фабрика.

Толлер, Эрнст [Toller, Ernst]. 1934. "Речь Эрнста Толлера." В *Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет*, 453–454. Москва: Художественная литература.

Усиевич, Елена. 1936. "Традиция писателя и литературный герой." *Литературный критик* 1: 3–29.

Уэллс, Герберт Дж. 1919. *Избранные сочинения*, под ред. Евгения Замятина. Петербург: "Всемирная литература" при Нар. ком. по просвещению.

Уэллс, Герберт Дж. 1920. *Машина времени*, под ред. и со статьей Евгения И. Замятина, пер. Эмилии К. Пименовой. Петербург: "Всемирная литература" при Гос. изд.

Уэллс, Герберт Дж. 1921. *Россия во мгле*, пер. с англ., предисл. Николая С. Трубецкого. София: Российско-болгарское книгоиздательство.

Уэллс, Герберт Дж. 1922. *Россия во мгле*, пер. с англ., с предисл. Моисея Е. Равича-Черкасского. Харьков: Госиздат Украины.

Уэллс, Герберт Дж. 1922а. *Неугасимый огонь*, под ред. и с предисл. Евгения И. Замятина, пер. Зинаиды А. Венгеровой. Петербург: Гослитиздат.

Уэллс, Герберт Дж. 1922б. *Невидимка*, под ред. и с предисл. Евгения И. Замятина, пер. Веры Засулич. Петербург: Гослитиздат.

Уэллс, Герберт Дж. 1923. *Любовь и мистер Льюишэм*, пер. З. Журавской, ред. Евгений Замятин. Москва, Петроград: Всемирная литература.

Уэллс, Герберт Дж. 1923а. *Первые люди на Луне*, пер. с англ. В. Готвальда. Москва-Петроград: Гос. изд-во.

Уэллс, Герберт Дж. 1924. *Краткая история человечества (от возникновения жизни на земле до Октябрьской революции и начала возрождения России)*, пер. с англ. В. Азова, предисл. Давида О. Заславского. Ленинград-Москва: Петроград.

Уэллс, Герберт. 1925. *Клад мистера Бришера; Каникулы мистера Ледбеттера: рассказы*, пер. Александра В. Туфанова. Ленинград: "Сеятель" Е. В. Высоцкого.

Уэллс, Герберт Дж. 1924–1926. *Собрание сочинений Герберта Уэллса* [в 11 т.], под ред. Евгения И. Замятина. Ленинград: Мысль.

Уэллс, Герберт Дж. 1927. *Невидимка*, пер. Веры Засулич; обраб. Абрама Ромма Москва: Издание ЦК Союза текстильщиков.

Уэллс, Герберт Дж. 1928. *Невидимка*, пер. О. Богдановой. Ленинград: Журнал *Вокруг света.*

Уэллс, Герберт Дж. 1934. *Каникулы мистера Ледбеттера*, в обработке В. Дубошина, В. Карзинкина. Москва-Ленинград: Издательство товарищества иностранных рабочих в СССР.

Уэллс, Герберт Дж. 2007. *Опыт автобиографии. Открытия и заключения одного вполне заурядного ума (начиная с 1866 года)*, под. ред. Юлия И. Кагарлицкого, Москва: Ладомир, Наука (ориг.: 1934. *Experiment in Autobiography: Discoveries and Conclusions of a Very Ordinary Brain [since 1866]*. New York: Macmillan).

Уэллс, Герберт Дж. 2021. *Открытый заговор*, с предисл. Валентина Ю. Катасонова. Москва: Кислород.

Филатова, Л. 1935. "Фашизм и литература современной Англии." *Литературный критик* 6: 216–234.

Шагинян, Мариэтта. 1933. "О соцреализме." *Литературный критик* 2: 26–33.

Шкловский, Виктор, Ивич, Александр [Игнатий Бернштейн]. 1939. "Уэллс и Жюль Верн." *Детская литература* 5: 14–18.

Юдин Павел. 1934. "Советская литература от XVI до XVII съезда." *Литературный критик* 1: 3–12.

Ясенский, Бруно. 1934. "Речь Бруно Ясенского." В *Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет*, 275–278. Москва: Художественная литература.